

КАРЛЪ ЭМИЛЬ ФРАНЦОЗЪ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

ПЕРЕВОДЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

ПЕТРА ВЕЙНБЕРГА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Офицерская, 17.

1886.

KE 20870

О г л а в л е н і е.

	СТРАН.
Предисловіе къ послѣднему изданію	I.
I. Шейлокъ изъ Барнова	1
II. Дитя искупленія	45
III. Баронъ Шмуль	75
IV. По закону вышему	87
V. Эстерка Регина	139
VI. Ликъ Христа	187
VII. Два Спасителя	216
VIII. Безъ надписи.	237
IX. Изъ-за яйца	269
X. Черный Авраамъ.	279
XI. Народный судъ	291
XII. Шиллеръ въ Барновѣ.	305

Предисловіе къ послѣдному изданію.

Предлагаемые читателю рассказы изъ подольскаго гетто—мои литературные первенцы, большею частью относящіеся къ моему пребыванію въ университетѣ и печатавшіеся въ разныхъ журналахъ. Только внѣшнія обстоятельства были причиною, что книга, написанная позже—„Изъ Полу-Азіи“—появилась въ книжной торговлѣ раньше, тогда какъ это произведеніе молодости вышло отдѣльнымъ изданіемъ только въ 1876 г. Заявляю объ этомъ по причинамъ внутреннимъ, и главнымъ образомъ для того, чтобы объяснить выборъ заключающагося въ настоящей книгѣ матеріала. Болѣе подробное объясненіе на этотъ счетъ даетъ предисловіе къ первому изданію, изъ котораго привожу здѣсь слѣдующія мѣста:

„Когда я, четыре года назадъ, впервые серьезно взялся за перо, мною руководила прежде всего потребность художественнаго воспроизведенія. Я хотѣлъ писать рассказы и стремился придать имъ поэтическое достоинство. Но именно въ виду этой цѣли казалось мнѣ необходимымъ выбрать ту среду, которую я зналъ ближе всякой другой. Таковою оказывалось подольское еврейство. И вотъ почему я, въ качествѣ писателя,

прежде всего отправился въ подольское гетто, и въ этихъ рассказахъ главнѣйшій предметъ моего стремленія составляло художественное достоинство. Но я не старался достигнуть его въ ущербъ правдѣ. Я и въ служеніи прекрасному никогда не извращалъ фактовъ и могу утверждать, что эту причудливо-чуждую намъ жизнь изобразилъ во всѣхъ подробностяхъ такою, какою она представлялась мнѣ самому. Если въ первомъ изъ появившихся въ печати моихъ сочиненій изобразитель культурной стороны общества опирался на беллетриста, то здѣсь послѣдній не имѣетъ права обойтись безъ помощи перваго. И хотя, быть можетъ, тамъ выступаетъ на первый планъ одна сторона моей натуры, а здѣсь—другая, но въ концѣ концовъ онѣ все-таки одно и то же, и моимъ задушевному, серьезному стремленіемъ все-таки остается — художественно изображать правду. И каковъ бы ни былъ приговоръ, который публика произнесетъ беллетристу, изобразитель культурной стороны оставляетъ за собою требованіе, чтобы читатели вѣрили его словамъ.

„Требованіе это не излишне, потому что въ высшей степени странна и своеобразна жизнь, въ которую я введу здѣсь читателя. Теченія и противутеченія, составляющія ее, конечно, только намѣчены въ этой книгѣ, и если бы я хотѣлъ подробнѣе разяснить ихъ—напримѣръ, въ формѣ введенія—то введеніе превзошло бы объемомъ книгу. Я поэтому и отказался отъ такого дѣла; да и считалъ совершенно добросовѣстнымъ поступить такимъ образомъ, потому что уже при сочиненіи настоящихъ рассказовъ имѣлъ въ виду, что пишу

для читателя западнаго. Если онъ не сомнѣвается въ моей любви къ правдѣ и сдѣлаетъ общее соображеніе о моихъ отдѣльныхъ произведеніяхъ, то изображаемая мною въ нихъ жизнь сдѣлается для него ясною и безъ всякихъ руководящихъ указаній. Только то изреченіе, которое я поставилъ въ основаніи первой моей книги: „Всякая страна имѣетъ такихъ евреевъ, какихъ она заслуживаетъ!“—хотѣлось бы мнѣ произнести и здѣсь, на порогѣ второго произведенія,—и не виноваты польскіе евреи въ томъ, что они стоятъ не на одинаковой степени культуры со своими единовѣрцами въ Англіи, Германіи и Франціи. Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, что вина въ этомъ случаѣ падаетъ не на нихъ однихъ.

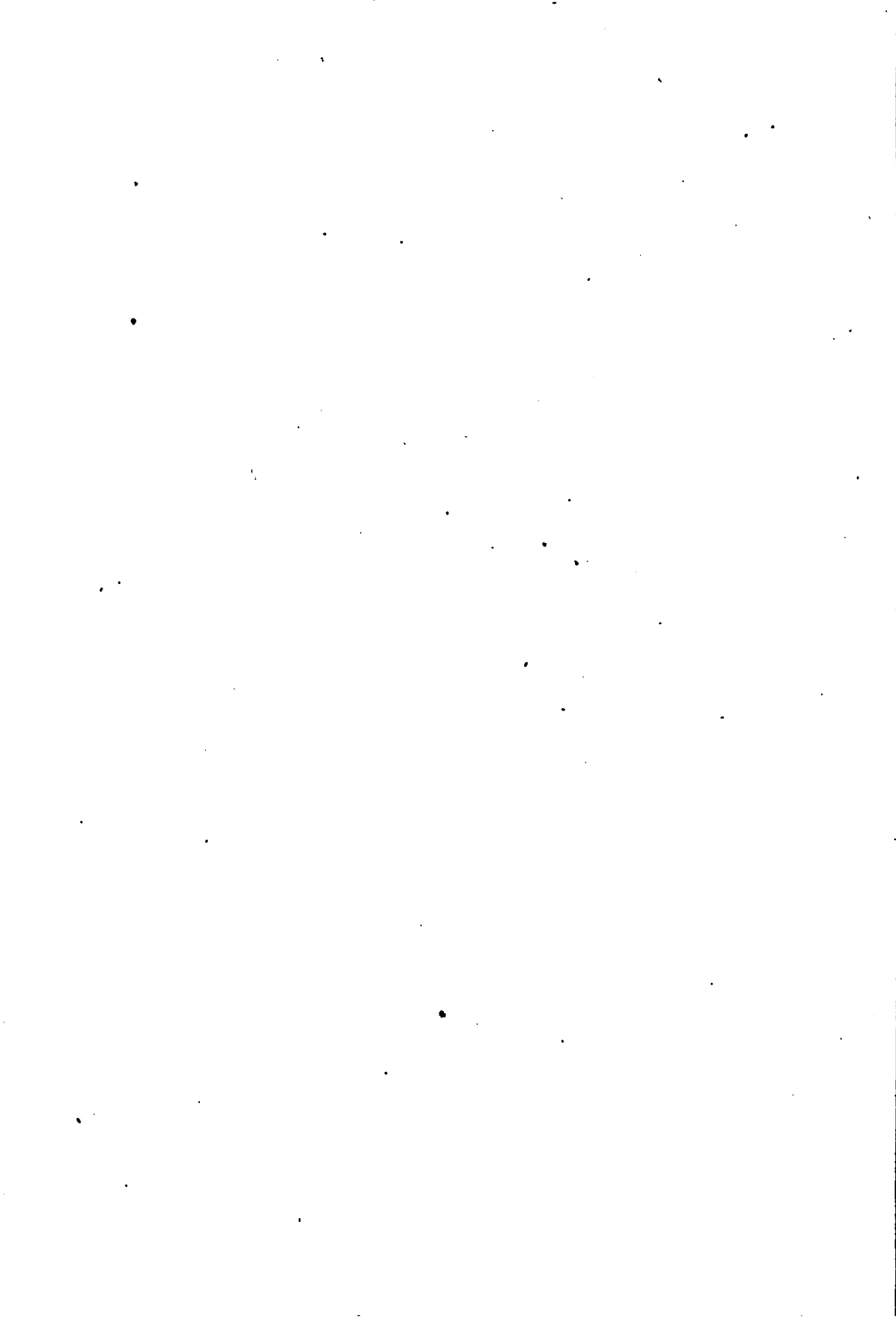
„Никто не можетъ выходить за предѣлы своей натуры; и эта книга—въ извѣстномъ смыслѣ книга спорная, и эти рассказы имѣютъ извѣстную долю тенденціозности. Я не отрицаю этого, но не считаю нужнымъ просить за это извиненія. Однако же, и въ настоящей книгѣ я ни разу не позволилъ себѣ пожертвовать правдою для тенденціи. Я рисую польскихъ евреевъ совершенно такими, каковы они на самомъ дѣлѣ—ни хуже, ни лучше. Не для осмѣянія восточнаго еврейства и не для возвеличенія его написаны эти рассказы; цѣль ихъ—конечно, второстепенная—указать на мрачное и помочь кинуть туда лучи свѣта, на сколько въ состояніи сдѣлать это мой голосъ“.

Между тѣмъ какъ второе, появившееся въ ноябрѣ 1877 г., изданіе отличалось отъ перваго только нѣкоторыми стилистическими измѣненіями, настоящее является не только дополненнымъ, но и существенно измѣнен-

нымъ. Я старательно отдѣлалъ каждый разсказъ и старался установить въ нихъ болѣе тѣсную гармонію между формой и содержаніемъ, соединить ихъ въ одинъ цѣль, который выставилъ бы наглядно, въ общей картинѣ, жизнь польско-еврейской общины въ ея главнѣйшихъ проявленіяхъ. Имѣя въ виду эту точку зрѣнія, я присоединилъ къ прежнимъ разсказамъ и нѣсколько новыхъ; они рисуютъ отношенія, оставшіяся въ прежнемъ изданіи незатронутыми, но безусловно необходимыя для картины общей. Поэтому я надѣюсь, что эта книга, въ своемъ третьемъ странствіи по свѣту, будетъ пользоваться такою же благосклонностью, какая выпадала на ея долю въ первомъ и второмъ путешествіяхъ...

Авторъ.

ШЕЙЛОКЪ ИЗЪ БАРНОВА.

Прямо противъ стараго сѣраго монастыря доминиканцевъ, какъ разъ у большой дороги, ведущей изъ Лемберга въ Скалу и перерѣзывающей мрачный городокъ, стоитъ большой бѣлый домъ еврея. Всякій, родившійся въ одномъ изъ грязныхъ домишекъ еврейскаго городка, возрастаетъ въ почтеніи и благоговѣніи къ этому дому и его обладателю, старому Моисею Фрейденталю. И домъ этотъ и его хозяинъ составляютъ гордость мѣстечка Барнова и каждый изъ нихъ по своему оправдываетъ эту гордость.

Во-первыхъ домъ. Гордо и величественно, точно сознавая свое достоинство, стоитъ онъ въ своемъ бѣломъ опрятномъ нарядѣ, съ длиннымъ рядомъ блестящихъ оконъ втораго этажа, съ разнообразными торговыми помѣщеніями внизу, по обѣимъ сторонамъ массивныхъ, гостепріимно открытыхъ воротъ. Этотъ домъ есть гостинница, достоинства которой умѣютъ цѣнить помѣщики, пріѣзжающіе въ городъ для справокъ въ окружномъ управленіи, или на еженедѣльный базаръ, а также и кавалерійскіе офицеры изъ сосѣднихъ деревень, загоняемые сюда скукой. Но выѣстъ съ тѣмъ, здѣсь отдаются и квартиры въ наемъ. Во второмъ этажѣ живутъ почетнѣйшіе представители Барнова — окружной начальникъ, докторъ и пр. и пр.; а что помѣщается въ нижнемъ этажѣ — того и не перечислишь. Тутъ есть и контора для продажи лотерейныхъ билетовъ, и общество застрахованія скота, человѣческой жизни и зерноваго хлѣба, и магазинъ суконъ, бакалейныя лавки, винный погребокъ для чистой публики и

пинокъ для простаго люда. Контора, агентъ, купецъ и хозяинъ—все это совмѣщается въ лицѣ Моисея Фрейденталя.

Но значеніе этого высокаго старика съ угрюмой фізіономіей далеко не исчерпывается всѣмъ этимъ. Его фамилія съ незапамятныхъ временъ считается важнѣйшею въ городѣ. Его мѣсто въ „школѣ“—первое въ первомъ ряду. Какъ, по смерти его дѣда, его отецъ, такъ и онъ, по смерти своего отца, сдѣлался старшиною общины. Это произошло само собою, безъ всякихъ домогательствъ съ его стороны, при чемъ даже никому и не пришло въ голову выбрать кого-нибудь другого. Онъ считается однимъ изъ набожнѣйшихъ и честнѣйшихъ представителей еврейства. И къ этому еще его богатство, и какое громадное богатство!

Его единовѣрцы считаютъ его милліонеромъ; и они правы: ему не только принадлежитъ домъ, со всѣмъ, что находится въ немъ и вокругъ него, но и многія помѣстья въ окрестностяхъ города онъ можетъ назвать своими съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ польскіе бароны и дворяне, ихъ владѣльцы. Даже великолѣпное имѣніе Комаровка принадлежитъ вполне ему, съ тѣхъ поръ, какъ его бывшіе владѣльцы—маленькій графъ Смольскій со своею прекрасною супругой Авророй—прожили его въ нѣсколько лѣтъ. Это—прекрасное большое помѣстье и не даромъ графъ, въ тотъ день, когда онъ принужденъ былъ покинуть его, напился съ отчаянія, какъ никогда въ своей жизни.

Послѣ всего этого, вы конечно не удивились бы, если бы я вамъ сказалъ, что Моисей Фрейденталь—не только самый богатый и гордый человѣкъ въ городѣ, но что ему и завидуютъ болѣе чѣмъ кому-либо другому.

Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Спросите послѣдняго бѣдняка въ еврейскомъ городѣ, напр. школьнаго учителя, голодающаго съ шестерыми дѣтьми, или водоноса, который цѣлую не-

дѣлю, съ ранняго утра до поздняго вечера, запыхавшись, совершаетъ свой однообразный путь къ городскому колодцу и обратно, — спросите ихъ: не желаютъ ли они помѣняться своею долею съ Моисеемъ, — и они скажутъ вамъ: „нѣтъ“; потому что богатство этого человѣка не такъ велико, какъ его несчастье.

Вы, конечно, не можете замѣтить этого по его лицу, когда онъ гордо и величественно стоитъ у воротъ своего дома. Изъ-подъ маленькой черной бархатной ермолки выбиваются серебристые волосы; серебристы, также, и рѣдкіе два длинныхъ пейса, извивающіеся по его щекамъ. Но его фигура еще крѣпка и не согнута, и черный суконный еврейскій кафтанъ какого-то страннаго покроя, нѣчто въ родѣ мантии, драпируетъ ее довольно красиво. Старикъ стоитъ почти неподвижно, глядя на маляра, покрывающаго двери шинка свѣжею ярко-зеленою краской и изображающаго на ней бутылку, стаканъ и булки. Только изрѣдка онъ поворачиваетъ глаза въ другую сторону, чтобы отвѣтить на поклонъ какого-нибудь прохожаго, потому что сегодня на улицѣ весьма мало оживленія. Въ городѣ бродитъ толпа пьяныхъ крестьянъ-русиновъ, по временамъ проѣзжаетъ мимо какой-нибудь помѣщикъ въ легкой бричкѣ; нѣсколько бѣдныхъ, торгующихъ по деревнямъ разнощиковъ, которые цѣлю недѣлю ходили по крестьянскимъ дворамъ, покупая кожи прямо за деньги или вымѣнивая на нихъ свои платки, возвращаются въ городъ съ накупленными товарами. Ноша ихъ тяжела, выручка незначительна, но на блѣдныхъ истощенныхъ или плутоватыхъ ихъ лицахъ все-таки виденъ проблескъ радости и гордости, такъ какъ черезъ нѣсколько часовъ они не будутъ болѣе жалкими, одѣтыми въ лахмотья торгашами-евреями, на которыхъ и мужикъ и дворянинъ пробуетъ свое остроуміе и свой хлыстъ, а гордыми князьями, которые въ своихъ дворцахъ торжественно

принимають обворожительную невѣсту — субботу съ ея отдыхомъ и спокойствіемъ.

Черезъ нѣсколько часовъ; — потому что солнце клонится уже къ заходу и полуденное время пятницы приходитъ къ концу. По домамъ происходятъ приготовленія ко дню покоя, и улица, залитая яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, опустѣла. Только изъ окружающаго управленія возвращается судья, желтый, худой панъ Лозинскій, съ какимъ-то молодымъ незнакомцемъ и, прежде чѣмъ подняться по лѣстницѣ въ свою квартиру, останавливается на нѣсколько минутъ, чтобы поболтать съ Моисеемъ.

Они толкуютъ о плохихъ временахъ, о лажѣ на серебряную монету, о томъ, какъ хорошъ въ этомъ году мѣсяцъ апрѣль. Вотъ и сегодня такой прекрасный, настоящій весенній день, какихъ въ этой странѣ почти не бываетъ и въ маѣ. Улицы города за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ лужъ въ центрѣ круглой площади, высохли, воздухъ вѣетъ почти лѣтнимъ тепломъ, а тамъ, въ монастырскомъ саду уже цвѣтутъ фруктовыя деревья и сирень. „Весна! весна!“ кричатъ христіанскіе школьники, которыя въ эту минуту бѣгутъ изъ своихъ послѣбобѣденныхъ классовъ. „Начинается весна!“ говоритъ г-нъ окружной судья, приподнимаетъ свою шляпу и ведетъ своего гостя по лѣстницѣ на верхъ. „Начинается весна“, повторяетъ про себя старикъ и проводитъ рукой по лбу, какъ-бы пробуждаясь отъ сна... „начинается весна!“

— Замѣчательный человѣкъ — этотъ старый Моисей! — говорить на верху окружной судья своему гостю, новому актуарію. — Чудакъ. Но его не проведешь; онъ знаетъ больше любого адвоката. И подумайте только, это богатѣйшій человѣкъ во всемъ округѣ. Говорятъ, что онъ имѣетъ нѣсколько милліоновъ. И при

всемъ томъ онъ хлопочеть цѣлую недѣлю, точно долженъ заработать себѣ пищу для шабаша.

— Скрыга, какъ всѣ жида, — сказала актуарій, выпуская на воздухъ кольца дыма своей сигары.

— Гм! — нѣтъ! Онъ благотворителенъ, должно признаться, — очень благотворителенъ. Но это не доставляетъ ему никакой радости, не доставляютъ ему никакой радости и его барыши. И однако же онъ постоянно занятъ спекуляціями. Для кого? — скажите мнѣ — для кого?!

— Развѣ онъ не имѣетъ дѣтей? — спросилъ актуарій.

— Конечно, имѣетъ. То есть, въ общепринятомъ смыслѣ. По его же понятію, у него нѣтъ дѣтей. Но развѣ вы еще не знаете его исторіи?.. Вѣдь она извѣстна всему міру. Вотъ и видно, что вы пріѣхали изъ Лемберга. Такъ вы тамъ вѣрно и не слыхали о дочери старика, о прекрасной Эсфири Фрейденталь? — Это цѣлый романъ, который вамъ слѣдуетъ выслушать!..

Между тѣмъ старикъ, исторія котораго извѣстна всему свѣту, все еще стоитъ внизу, прислонившись къ двери своего дома и смотреть — какъ осыпанныя цвѣтомъ вѣтки въ монастырскомъ саду, колеблются отъ вѣтра. О чемъ это думаетъ онъ? Не о дѣлахъ своихъ, потому что его глаза сдѣлались влажными и на его губахъ мелькнуло на одинъ моментъ выраженіе какъ бы сдержаннаго горя. Онъ прикладываетъ руку къ глазамъ, какъ будто прикрывая ихъ отъ ослѣпительнаго солнечнаго свѣта.

Затѣмъ онъ выпрямляется и трясетъ головой, какъ бы желая стряхнуть съ себя бремя мрачныхъ мыслей. Поторопитесь! скоро наступитъ шабашъ, — кричитъ онъ затѣмъ маляру и подходитъ ближе, чтобы посмотреть на его работу. Маленькій горбатый человекъ въ поношенной польской чамаркѣ со шнурками, только что покончилъ съ обѣими половинками двери и ковыляетъ теперь,